

УДК 821.161.3.0.09

Микола Садкович и его исторические повествования

А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий

Статья посвящена анализу исторических произведений писателя, уроженца Витебщины, выпускника Оршанского педагогического техникума (ныне Оршанский колледж УО «ВГУ имени П.М. Машерова»), М. Садковича, создавшему роман «Георгий Скорина» (написан в соавторстве с Е. Львовым) и «Повесть о ясном Стахоре», в художественной форме запечатлевшие важнейшие факты и события в истории Республики Беларусь и способствующие формированию исторического сознания белорусской нации.

«На всех, кто его (М. Садковича. – А.Р., Ю.Р.) знал и не раз встречал, он производил впечатление человека в полном расцвете физического здоровья и духовных сил. Он был как-то по-особенному крепко сбит, мускулист, высокого роста; глядя на него, думалось: вот кому не будет износа! От него всегда исходила неистребимая жизнерадостность, он как бы аккумуляровал в себе могучую человеческую влюбленность в жизнь. С ним нельзя было ни минуты скучать, потому что сам он обычно был непринужденно весел, остроумен в беседе, находчив, обладал природной склонностью к незлобивой шутке, был доверчиво искренен и общителен с людьми, без тени заискивания и без наигранного панибратства. Человек открытого сердца, он вызывал к себе большое уважение. В общении с ним дышалось легко и свободно, было хорошо, не думалось ни о чем грустном...» [1]

Ф. Кулешов – член-корреспондент НАН Беларуси

Выдающийся белорусский литературовед Ф.И. Кулешов совершенно прав, подчеркивая жизнерадостность М. Садковича и его влюбленность в жизнь. Эти человеческие черты нашего земляка, уроженца д. Устье Оршанского района, выпускника Оршанского педагогического техникума (ныне Оршанский колледж УО «ВГУ им. П.М. Машерова») и Московского государственного института кинематографии, члена Союза советских писателей БССР, лауреата Государственной премии СССР Николая Федоровича Садковича (Микола Садковича) (8.01.1907–16.08.1968), как нельзя лучше проявились в его многообразной творческой деятельности в советской и национальной художественной культуре. М. Садкович известен как режиссер, сценарист и постановщик художественных, короткометражных и документальных фильмов, автор исторических (роман «Георгий Скорина», «Повесть о ясном Стахоре») и остросоциальных (роман «Мадам Любовь», повесть «Человек в тумане») прозаических произведений.

Не ставя задачей проанализировать все многоплановое творчество М. Садковича (это может быть темой специального исследования), сконцентрируем внимание на романе «Георгий Скорина» (1951) и «Повести о ясном Стахоре» (1956).

Исторический роман М. Садковича «Георгий Скорина». На наш взгляд, сегодняшнему читателю небезынтересно будет знать, как возник замысел романа «Георгий Скорина». И здесь на помощь приходит сам Микола Садкович. В своем предисловии к роману он, вспоминая московскую беседу с одним из партийных руководителей БССР, пишет: «Освободили Полоцк – родину Скорины. Вы, конечно, слышали о нашем первопечатнике и просветителе?»

– Да, конечно, – ответил я (Микола Садкович. – А.Р., Ю.Р.) – не понимаю, какая может быть связь между тем, о чем мы беседовали (разговор шел о восстановлении разрушенной Белоруссии. – А.Р., Ю.Р.), и столь далекой историей.

– Советские люди поставят ему новый памятник... В центре города (действительно, величественный памятник великому белорусскому просветителю Франциску Скорине по проекту скульптора А. Глебова открыт в центре Полоцка в 1974 г. – А.Р., Ю.Р.), рядом с монументом в честь героев-освободителей!

– Рядом? Четыре столетия отделяют их...

– Нет, не отделяют, – возразил мне собеседник, опускаясь в кресло. – Послушайте, разве четыреста лет назад Скорина не боролся за свою родину? Разве не такой же коварный враг был у него? Мы не должны забывать, какой путь прошел наш народ, прежде чем достиг победы Великого Братства. Те, кто родился и вырос в Союзе Республик, часто не знают, сколько крови пролито белорусами ради того, чтобы стать «вместе с братьями Русь» (эти слова не потеряли своей актуальности и в наше время, в начале XXI столетия. Ведь знание истории и культуры независимой, суверенной Беларуси – это не только свидетельство уровня гражданственности личности, это еще и необходимый атрибут ее исторического самосознания. – А.Р., Ю.Р.). Скорина всю свою жизнь этому отдал. Его далекое время было началом... А что мы знаем о нем? И неожиданно прозвучал вопрос: «Неужели вас никогда не привлекала эта тема для фильма или романа?»

– Время ли сейчас думать об этом? Столько дел кругом...

– Самое время! У нашего народа хотели отнять гордость и славу. Зачеркнуть его прошлое, а оно только ярче освещает сегодняшний подвиг... Подумайте» [2].

Заманчивое для писателя предложение. И М. Садкович начал искать хоть что-нибудь, что рассказало бы ему о жизни Скорины, «словно можно было на изрытой окопами, перепаханной снарядами белорусской земле найти свидетельства битвы шестнадцатого столетия». Задача была совсем непростой – не легко представить себе живую, конкретную личность человека, который жил в столь далекую эпоху. Для этого надо было увидеть цель его жизни и результаты его деяний, понять мотивы его поступков. В освобожденной Белоруссии материалов, которые могли бы помочь в разрешении возникших у писателя вопросов, не было. Музеи и библиотеки были разграблены, гитлеровцы вывезли редчайшие произведения Скорины, его переводы. «А выписки, – пишет М. Садкович, – из исследований В. Владимирова, В. Ластовского и других авторов давали слишком мало».

Размышления над проблемой, поиски материалов привели М. Садковича к известному профессору Е. Штейнбергу (Львову), который с большой радостью и огромным желанием воспринял мысли молодого писателя и включился в работу. Теперь по-

иски необходимых источников опирались на знания и опыт двух человек – литератора-кинорежиссера и ученого-исследователя.

Представляется уместным вспомнить ту характеристику деятелей эпохи Скорины, которую дал им Фридрих Энгельс в своей известной работе «Диалектика природы»: «Они были более или менее обвеваны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках... Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словами и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми. Кабинетные ученые являлись тогда исключением, это или люди второго и третьего ранга, или благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцы» [3].

Начав литературный путь от этой общей посылки, авторы должны были еще увидеть и услышать, как разговаривал конкретный человек по имени Скорина, как он одевался, как двигался, что за люди окружали его в разные периоды жизни. Надо было знать, почему Скорина, от рождения Георгий, при поступлении в Краковский университет был записан Франциском, почему, став «доктором в науках медицинских», он вдруг посвятил себя книгопечатанию и книгоизданию, почему эту деятельность он начал в Праге, как и под чьим влиянием складывалось его мировосприятие, формировалось его мировоззрение. Наконец, надо было «вмонтировать» жизнь и деятельность Человека в социально-политическую и духовную атмосферу того времени, разительно отличающуюся друг от друга в странах Восточной и Центральной Европы.

В записной книжке М. Садковича, хранящейся в его домашнем архиве, можно прочесть: «Если посмотреть на нашу белорусскую историческую литературу, то возникает мнение, что она занималась преимущественно государственной стороной прошедшей жизни. Всем, что касалось тогдашних правителей, дипломатий, войн, законодательства, что составляло при всей важности круг внешних явлений. А на дне истории оставалась нетронутой народная жизнь, идущая вразрез с государственной жизнью того времени. Представляя в таком случае народ, как некую механическую силу государства, а не истинное содержание, для которого прошлое государства было только форма» [4].

Подчеркнем, что М. Садкович и Е. Львов не искали «официальную» форму жизни тех лет, истинное ее содержание, мотивацию действий и поступков героев романа они видели в бытии народа, в его чувствах и чаяниях. Как, к примеру, в печальной песне полоцкого слепца – лирника Андрона:

*Ужаснися, чловеце,
И слезился своим сердцем,
Что душою помрачился,
Потерял себя ты ныне
Во чресьях своих...
Отложи свои забавы
И утехи сего мира,
Не отдайся в рабство вечно,
Не теряй своей свободы.*

Однако, вернемся к роману «Георгий Скорина», являющемуся, по сути, первым прозаическим произведением, в котором выдающийся сын «града Полоцкого» выступит героем широкого исторического повествования.

Почти половину жизни Великого Просветителя вместили романские страницы – с 1504 г., когда Георгий Скорина, оставив родной Полоцк, ушел в поход за знаниями, и по 1530 г., когда, после пожара 1530 г., он навсегда оставит сгоревшее Вильно. Перед читателем в живых образах проходит юность Скорины, его учеба в Краковском университете, завершившаяся получением степени бакалавра «семи свободных наук», экзаме́н в итальянской Падуе, типографская и издательская деятельность в Праге и Вильно. Но везде и всюду Скорину-бакалавра, Скорину-доктора, Скорину-книгоиздателя не покидала мысль о том, что он уходил в далекие земли лишь для того, «чтобы вернуться снова» (в Полоцк. – А.Р., Ю.Р.), где «его будут ждать», где «в нем нуждаются». Ведь именно в родительском доме в Полоцке он получил первоначальное образование, умение читать Псалтирь и писать кириллическими буквами. «В Софийском соборе, в монастыре, хранилось немало старинных книг, знакомство с которыми явилось для молодого Скорины началом его образованности и породило неиссякавшую на протяжении всей жизни жажду новых знаний», а «частые встречи с иностранцами и купцами помогли ему «научиться говорить по-заморскому», разожгли интерес к чужим землям, к науке» [5].

Здесь же на всю жизнь у будущего Просветителя сформировались глубокие патриотические чувства к родному городу (название Полоцка он всегда будет подкреплять эпитетом «славный»), его людям «посполитым», языку «русскому». «Аз... нароченый въ руском языке», – писал о себе полочанин, называя этот «язык» своим «прирожденным», родным.

Но как раз в Полоцке «Георгий ощутил неудовлетворенность. Познания, приобретенные в Полоцке, стали казаться ему недостаточными. А научиться большему здесь было негде и не у кого. Так постепенно созрело смелое решение: покинуть на время родной город, чтобы потом возвратиться сюда обогащенным глубокой мудростью и отдать ее своим братьям, Руси» [5, с. 52–53].

И первая успешная попытка могла быть реализована после завершения Скоринной учебы в Краковском университете. Правда, авторы романа почему-то уводят Скорину от Полоцка, направляя его сначала в Туров для того, чтобы бакалавр смог познакомиться со свитками – «словами» Великого Златоуста Кириллы Туровского (может быть, этот вымысел вводился в роман с благими намерениями. Однако, на наш взгляд, такое вольное обращение с историей недопустимо. – А.Р., Ю.Р.), а затем с посланием князя Михаила Глинского в Киев, где ему повезло почитать многие списки «слов», апокрифы и «повести», хранящиеся в знаменитой Печерской лавре. И здесь дума Георгия–Франциска снова наполняется тоской, «желанием видеть близких людей, мчаться, бежать туда, где подхватят его радость, поймут его мысли и с любовью услышат родное, правдивое слово». Но судьба распорядилась по-своему – вместо дороги на восток в Полоцк, она направляет Скорину на запад в Прагу. А через несколько лет он попадет в Италию, к маэстро Мусатти, рекомендацию к которому написал ему еще в Кракове Николай Коперник.

После Падуи Франциск Скорина вернется в родной Полоцк. Но все оказалось иным, чем он ожидал. В доме брата его приезд оценили, «словно снег на голову свалился», а городское, когда-то бывшее активным, братство «заботилось лишь о благолепии храмов, мало интересуясь просвещением мирян», а знакомый ему священник на предложение открыть свою книгопечатню, заявил: «К чему же книги твои, если душа молитвы жаждет. ...Наука дело мужей ученых, а грамота – грамотеев. От них и плодов жди. Поспольштво же (простой народ. – А.Р., Ю.Р.) не к тому богом назначено».

Попробовал Скорина объединить вокруг себя немногочисленных сторонников из числа мелких купцов и мастеровых, обратился с письмами в витебское, минское и моголевское братства с приглашением объединиться *«для общего заведения друкарского дела, начать друкарню свою фундовать и мастеров обучать вместе»*. В ожидании ответных писем – не знал Скорина, что эти ответы были перехвачены воеводоми-соглядатаями и отправлены в великокняжескую тайную канцелярию как неопровержимое доказательство подготавливаемой измены и бунта – Скорина много работал над собиранием старых славянских рукописей и изучением и сравнением, готовясь к первому переводу Библии на родной язык. Но не дремали и великокняжеские служки – для ареста Скорины в дом его брата заявились стражники. И только благодаря своевременному предупреждению племянника Романа удалось остаться на свободе. Но... ценой новых скитаний. Путь Скорины снова лежит на Запад.

Может быть, поэтому в начале 1950-х гг. в адрес М. Садковича и его соавтора звучали упреки в том, что они отходят от исторической правды в угоду старой порочной трактовке о чужеземной духовной родословной Скорины, становлении его как ученого целиком на чужой почве (якобы в родной стране не было условий для духовного развития мыслителя). Еще более нелепыми, на наш взгляд, выглядят обвинения в том, что вместо того, чтобы показать, как Скорина поднялся до вершин науки того времени на почве исторического развития материальной и духовной культуры России и Белоруссии, М. Садкович и Е. Львов подчеркивают, что ученый сформировался лишь благодаря западным университетам.

Безусловно, можно понять авторов, находившихся в плену ждановских принципов литературной критики. Но ведь, упрекая авторов романа в отступлении от исторической правды, такие «критики от идеологии» сами искажали эту правду – о каких полоцких условиях и на какой восточнославянской духовной основе мог сложиться гений Скорины как ученого европейского уровня. Ведь знакомства с древними летописями и поучениями, как и деятельности «православных братств» для этого было недостаточно (да и сами они часто не выдерживали польско-католического давления), а университетов ни в Московской Руси, ни в Великом княжестве Литовском не было. К тому же не очень-то жаловали в Московской Руси выходцев из ВКЛ. Вспомним, что ни Скорину, уже известного книгоиздателя, ни его «Библию руску» так и не допустят в «образованную» Москву 1530-х годов! Так у кого больше натяжек? У авторов романа, буквально следующих путем юношеской мечты Скорины о получении знаний в Европе, или у критиков начала 1950-х годов? Думаем, что читатель сам сможет разобраться в этой несложной проблеме.

Читая роман «Георгий Скорина», еще более остро понимаешь, как нелегко путь в большую науку. Авторы это показали, на наш взгляд, очень убедительно. И веришь им потому, что метко «схвачено» такое обстоятельство, как помощь бедному, но стремящемуся в науку со стороны самых разных людей-бессребреников. У Скорины такими оказались: в Полоцке – братчик отец Матвей; в Кракове – профессор Ян Глоговский и схоляры* шляхтич Николай Кривуш и чех из Моравской Остравы Вацлав Вашек; в итальянских Виченце и Падуе – врач Федерико Гварони и вице-приор университетской коллегии маэстро Таддео Мусатти; в Праге – тот же Вацлав Вашек (но теперь уже секретарь староместского магистрата); в Вильно – наистарший бурмистр Якуб Бабиш и братчики Богдан Онкович и Юрий Адверник. Каждому из них был благодарен Георгий-Франциск Скорина. Но ведь он и сам не ждал лишь покровительства – стремился к познанию, даже если это требовало временного отхода от своих принципов. В этом плане показательна авторская линия Скорина-рыцарь Иоганн фон Рейхенберг. Последний, преследуя далеко идущие цели заполучить для католической церкви еще одного образованного человека, предлагает верховному попечителю университета краковскому архиепископу не только принять Георгия на учебу, но и поселить его в бурсе†. «Мы разрешим принять тебя в университет. Старайся постигнуть догматы истинной (римско-католической. – А.Р., Ю.Р.) веры, преодолеть заблуждения, усвоенные в детстве. Желание твое исполнится. Постигнув науки, ты вернешься на родину, чтобы сеять добрые семена («истинной римско-католической веры». – А.Р., Ю.Р.) среди твоих заблудших братьев... Как твое имя?

– Георгий, сын Скорины.

– Ты будешь наречен Франциском в честь нашего святого Франциска Ассизского. Ступай с богом!» [5, с. 81].

Дальше – больше. Фон Рейхенберг (вот она, подлинно иезуитская хватка!) скромно просит Скорину: «Вы будете давать мне те записи, которые делаете для себя. Ведь вы вносите туда и ваши собственные мысли. Не так ли?» А потом эти записи с примечаниями и рассуждениями Франциска будут переданы иезуитам. А как по-иному установить контроль за поведением и мыслями сомневающегося православного схоляра? Через несколько дней Скорине последует еще одно, более гнусное предложение: «Глоговский и Коперник должны быть преданы церковному суду. Своей речью на диспуте ты можешь оказать нам помощь в этом».

Отказ Скорины стоил ему многого: сначала это будет клеветническое обвинение фон Рейхенберга на диспуте на предмет присуждения ему ученой степени бакалавра (к счастью, эта ложь была разоблачена и, естественно, не принята во внимание), а почти через 25 лет по приказу иезуита не просто будет сожжена виленская типография Скорины, но Скорина фон Рейхенбергом, будет назван главным зачинщиком беспорядков и поджигателем Вильно. Все, что годами копилось в душе и сердце Скорины, нашло свой эмоциональный всплеск в речи, обращенной к горожанам: *«Ты лжешь, Иоганн фон Рейхенберг! Не я, а ты повинен в пожаре сам! Это свидетельствую я, Франтишек*

* Так тогда назывались студенты.

† Бурсами называли интернаты средневековых университетов для бедных школяров и неимущих бакалавров и магистров.

Скорина, перед господом и все народом виленским. Ты и твоя черная свора, благословляемые римским папой, пришли поработать вольные наши народы. Вы хотите отнять у нас волю и достояние, храмы и язык родной. – Он снова повернулся к толпе. – Вот он – злодей! Смотрите, братья, и запомните сие! Горят и рушатся жилища наши. Дети теряют отцов, и отцы оплакивают детей своих. Стонет наша земля от чужеземцев. Вновь тевтоны, как тать, прорвались в дом наш и подняли черное знамя свое. – Сжав кулаки, со страшной силой он крикнул: – Бейте их, братья! Уничтожайте за поругание земли нашей, за кровь наших отцов и матерей! Бейте и гоните прочь, не опуская меча!» [5, с. 457].

Это был итог всех исканий, всех драм и трагедий, всех лавирований и личных поступков, выход, ведущий в неизвестность. «Все дальше и дальше уплывал баркас (на борту находились Скорина, жена Маргарита и маленький сын Семен. – А.Р., Ю.Р.), и люди на берегу глядели ему вслед» [5, с. 459].

Можно было бы сказать, что роман удался полностью, если бы была отражена более полная мотивация причин ухода Скорины в книгоиздательскую деятельность. Ведь после возвращения из Падуи в Полоцк, после полного «фиаско» в привычном ему общении с людьми из городского магистрата он формулирует для себя мысли, созвучные целостной эпохе Гуманизма. Вот они. «Родина! Ни годы странствий, ни красота чужих земель, ни вершина достигнутой цели не могут заставить забыть тебя...». «Книга! Вот что прекратит братоубийственные войны, свяжет людей воедино».

Родина и Книга у мыслителя в условиях первой трети XVI столетия сливаются воедино. Родины у Скорины фактически не оказалось. Нет, она была, но не для людей типа Скорины! Эти мысли адресуются и современному читателю. Риторический вопрос: «А что, если забудем Родину и книгу?» Думается, что он остается без ответа. А вот Франциск Скорина в то жестокое время искал и находил ответы (в романе это доносится до читателя и привлекательно, и убедительно).

На наш взгляд, книгоиздательская деятельность Скорины – это уникальный, может быть, единственный, с точки зрения научного подхода, пример отстаивания национальных чувств, чаяний, стремлений. Это направление в деятельности Скорины авторами романа раскрыто наиболее убедительно. И убедительность его в следующем: Скорина борется с врагами их же оружием. Свои просветительские идеи он утверждает в формах религиозной идеологии – он борется за право издания религиозных книг на родном языке. Об этом стремлении он открыто признается читателю в своей первой книге «Псалтырь», выпущенной в продажу в августе 1517 г.: «Я, Францишек, Скоринин сын из Полоцка, в лекарских науках доктор, повелел сию Псалтырь тиснуть **русскими буквами и славянским языком** (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) ради приумножения общего блага и по той причине, что меня милостивый бог с того языка на свет пустил...» Сами же издания («Псалтырь», «Книга Святого Иова», книги Иисуса, «Притчи Соломоновы») стали неожиданным явлением в культурах Чехии и Белой Руси. Вот мнение старого ученого Корнелия Вшегрда: «...Поистине, это событие знаменательное. Книга на языке, понятном народу, – это больше, чем победа на поле битвы, важнее, чем голос в сейме, чем договор, заключенный государственными мужами. Победы сменяются поражениями, договоры вероломно нарушаются. **Книга** же (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.)

остается навеки» [5, с. 351–352]. Дополнением к полученному праву стали его предисловия и послесловия, адресованные «людю посполитому». И те, кто знакомился с книгами Скорины, кто читал их, имели возможность соизмерить свои собственные взгляды с религиозными, каноническими, понять роль и значение печатного слова в их повседневном бытовании. И, может быть, первыми поняли это епископ виленский и два католических аббата – доминиканский и бернардинский, которые во главе с упомянутым нами фон Рейхенбергом в 1525 г., после выхода в Вильно книги «Апостол», устроили допрос виленскому воеводе Гаштольду. Вот краткий текст этой беседы.

Гаштольд: Видел я эту книгу и не нашел в ней ничего предосудительного.

– Так, пан воевода не нашел там ничего предосудительного? – язвительно усмехнулся доминиканец. – Пусть себе печатают схизматики свои невинные книжки.

Гаштольд сердито взглянул на доминиканца, но смолчал.

– А что скажет пан воевода, – обратился к нему бернардинский аббат, – о единых вопросах, поставленных суесловным Франтишком в его предисловии... Не является ли это возмутительным богохульством?

Тут вмешался епископ.

– Сын мой! – сказал он Гаштольду медоточивым голосом. – Всякая схизматическая книга, да еще печатанная на русском языке, само по себе есть оскорбление нашей святой церкви и власти королевской.

Вмешавшись в беседу, фон Рейхенберг требовательно заявляет: *«Впрочем, не только о братстве (виленском братстве, способствовавшем в издании книги. – А.Р., Ю.Р.) веду я речь, но главным образом о человеке, напечатавшем эту книгу. Франтишек Скорина – закоренелый еретик и преступник, неоднократно бежавший от суда. Он является не православным, а тайным приверженцем лютеранской ереси».*

– Мне об этом ничего не известно, – пожал плечами Гаштольд.

И тогда фон Рейхенберг зачитывает подложное письмо, из которого следует, *«что Франтишек Скорина прибыл в Вильно по поручению Мартина Лютера для проповедей его сатанинского учения».*

Ложь, подлог, обман, инквизиция – все использовалось иезуитами для уничтожения вековых основ веры православной и утверждения на восточнославянских землях римско-католической духовности.

Проведенный нами анализ позволяет сделать **вывод**, что роман М. Садковича и Е. Львова «Георгий Скорина», по сути своей, уникальное произведение об истории нашей Родины. И его следовало бы, на наш взгляд, рекомендовать и современному читателю – это ведь один из убедительных источников формирования нашего исторического сознания, подлинный пример высокой гражданственности и действенного патриотизма.

«Повесть о ясном Стахоре». С интересом была воспринята читателями следующая книга Миколы Садковича, посвященная белорусской истории, «Повесть о ясном Стахоре». Основанная на документальном материале и имеющая четкие хронологические рамки (1582–1597 гг.), книга посвящается белорусскому крестьянству и «низовому» казачеству, раскрывает подвиг и муки людей, которые бились за великое братство. Это книга о Родине, «о земле, породившей их имена, и славу, и доблесть, и отнявшей у нас только немые тела их, но не память, вечно живущую». И главное ее дос-

тоинство и художественная ценность, поражающие читательский интерес, состоит в правдивом, взволнованном и суровом повествовании о тяжелой жизни и мужественной борьбе народных масс против угнетателей. Как писал в свое время наш земляк, поэт, писатель, драматург и литературный критик Николай Горулев, «повесть непосредственная, живая и интересная».

Отметим и такую особенность «Повести о ясном Стахоре», как своеобразная манера повествования. Рассказ одновременно ведется двумя лицами – реальным автором, самим писателем, и вымышленным летописцем, грешным чернецом Иннокентием. При этом повествования одного (строгая писательская стилистика) и другого («словесные фрески»), лаконичные и немногословные, тесно переплетаются, дополняют друг друга, доносят до читателя героика далекого прошлого, творя единое историко-литературное полотно, сочетающее строгую историчность с легендами, преданиями и сказаниями народа. В повести «сохранен речевой колорит эпохи, своеобразный стиль летописания, соблюден общий тон героической патетики, лирически окрашенного сказания» (Ф. Кулешов).

Современники М. Садковича приводят такой интересный факт: после опубликования повести в журнале «Советская Отчизна» один читатель, литературовед и критик, прислал на имя автора «Повести о ясном Стахоре» письмо, в котором не только делился своими мыслями о повести, но и спрашивал, где писатель смог найти такие интересные летописные материалы и можно ли с ними познакомиться для более глубокого изучения.

Интрига для читателя начинается с того, что автор повести в самом ее начале задает для себя три вопроса: «Кто был этот Стахор? Чем он прославил себя? За что удостоился быть избранныком неизвестного автора?» (подразумевается Иннокентий. – А.Р., Ю.Р.). Приходится сожалеть, но ответа на эти вопросы читатель не получает. Хотя, завершая повествование, М. Садкович пишет: «Через несколько лет после того, что записано здесь (в «Повести о ясном Стахоре. – А.Р., Ю.Р.), вспыхнуло восстание в городе Могилеве, превратившее на целых четыре года город в республику.

Вновь загремело по Белой Руси имя Митковича, но уже не веселого батьки Савулы, а ясного сына его – Стахора.

Деяния его были столь славны, что не могли пройти незамеченными для других историков-летописцев» [6].

Близко знавший М. Садковича профессор Кулешов подтверждает этот вывод: «В замыслы М. Садковича входил показ того, как Стахор впоследствии встретится с Иваном Болотниковым и станет боевым предводителем восставших ремесленников и городской бедноты Могилева, а затем во главе белорусской дружины в войсках Дмитрия Пожарского при защите Москвы в 1612 г.

От реализации этого замысла писателя надолго отвлекла работа над повестью «Человек в тумане» (1960)» [1, с. 539].

Так или иначе, но в самой «Повести о ясном Стахоре» поставленные вопросы остаются открытыми – сюжетная линия повести не получила своего завершения. Как нам кажется, произошел определенный «перекос» в соотношении главных действующих лиц и самого названия повести. В ней много запоминающихся картин из биогра-

фии пятнадцатилетнего героя. Они представляют читателю хорошую возможность, чтобы сформировать свое представление о характере будущего крестьянского богатыря-воина. Но этого все же мало для того, чтобы именем Стахора назвать повесть, в которой первая роль принадлежит другим действующим лицам: отцу Стахора Савве (Савулу) Митковичу и руководителю украинских казаков Северину Наливайке. В рамках повести для Стахора не хватило пространственно-временных параметров.

Повествование о Стахоре начинается интригующе: «В ясный, солнечный день октября месяца 1582 года у Саввы и Марии Митковичей родился сын», с уготованной ему судьбой хлопа. «В ночь перед рождением Стахора (так Митковичи называли своего наследника. – А.Р., Ю.Р.) в старом замке Ходкевичей рожала свое дитя пани Ядвига, жена злого и надменного державца Владислава, много лет управляющего замком». И в тот же самый день в далекой Москве «у великого государя Ивана Васильевича и его седьмой жены Марии Федоровны родился сын», нареченный Дмитрием». «Так в этот день появилось на свет три человека. Три новых судьбы. Были они разные, друг от друга далекие...» Действительно, они будут разными – панночка погибнет в огне пылающего родительского замка, тайной будет окутана смерть царевича Дмитрия в Угличе. В живых останется «хлопский» сын Стах – «всем панам на страх!»

Начало жизненного пути Стахора Митковича М. Садкович рисует выразительными красками. Вот он в Угличе сражается «на сабельках» с царевичем Дмитрием, вот вместе с отцом удирает от наступающего на них лесного пожара, вот «пиршествует» с нищими, проходит своеобразную школу арифметики, чистописания, первой любви... К тому же почти в каждом разделе повести встречаются сказочно-возвышенные эпизоды, напоминающие собой занимательные и интересные легенды. В разделе «Год рождения», к примеру, это «Легенда о сороке-воровке», в разделе «Как Стахор звезды ковал» – описание старой белорусской игры «гула» и др. Автор стремится соблюсти манеру старинных повествований в самих названиях разделов повести: «Как Стахора крестили», «Как Стахор царевича победил», «Как Стахор на родную землю ступил», «О том, как Стахор научился считать до ста», «Как Стахор вино пить научился»...

Привлекают внимание читателя многие мастерски выписанные эпизоды – сцена знакомства Саввы и Стахора со стариками-нищими, тайно готовящими оружие для восстания. Полны драматизма картины осады замка Ходкевича, возглавляемой народным героем Северином Наливайко, могилевского пожара, жестокой казни запорожских посланцев, предательски схваченных королем Сигизмундом III, битвы под Белой Церковью, когда Савва и Наливайко выпускают на королевских жолнеров и гусар огромное стадо быков, обращая рыцарей в паническое бегство. Наконец, семидневное кровавое противостояние крестьянско-казацкой армии Митковича и Наливайко под Лубнами, где перевес был на стороне коронного войска гетмана Жолкевского и где повстанцам предъявили чудовищный ультиматум: «Коли не отдадите нам Наливайку, Савулу и старших ваших – всех побьем, и жен и детей ваших. А когда отдадите, кто есть между вами панские хлопы, того каждый пан возьмет своего и суд над ним справит, какой схочется». И решили тогда два атамана «не измерять веком своих братьев, матерей и детей. Глядеть дальше гроба и жить в величии дел праведных...»

И в глазах, и в сердце, и в душе деяния отца Саввы и его сподвижника Северина становились романтическими, возвышенными, зовущими к сподвижничеству и непримиримой битве с врагом.

Мы сознательно обрисовали происходящие события и действия главных героев повести лишь с одной целью – показать, в каких условиях и на чьих примерах героической борьбы с польско-католическим наступлением на белорусские земли складывалось сначала детское, а затем и отроческое сознание юного Стахора Митковича. Уроки были жестокими, кровавыми, трагедийными. Но... (это, к сожалению, не нашло ни мотивации, ни художественного выражения. – А.Р., Ю.Р.) то было время вызревания понимания смысла борьбы, реального участия в этой борьбе, наконец, уверенности в необходимости победы: финал – четырехлетняя республика в Могилеве – уникальное событие для средневековой Белой Руси и Великого княжества Литовского.

Рассматривая повесть в обозначенном нравственно-этическом ракурсе, приходим к **выводу** – история земли Белорусской в ее событиях, в жизнеописании героических личностей (и не всегда знаменитых!), стремившихся облегчить судьбу людей «посполитых», требует постоянного и пристального изучения. Прозаические исторические произведения М. Садковича лучшее тому подтверждение.

Л и т е р а т у р а

1. Кулешов, Ф.И. Писатель и его книги / Ф.И. Кулешов // Садкович М. Повесть о ясном Стахоре. Человек в тумане. Мадам Любовь. – Минск, 1972.
2. Садкович, М. Как был написан этот роман / М. Садкович, Е. Львов // Георгий Скорина. – М., 1961. – С. 3.
3. Энгельс, Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. – 2-е изд. – М., 1961. – Т. 20. – С. 339–626.
4. Фрейлих, С. Путь к герою / С. Фрейлих // Искусство кино. – 1970. – № 11. – С. 48.
5. Садкович, М. Георгий Скорина / М. Садкович, Е. Львов. – Минск, 1966. – С. 52.
6. Садкович, М. Повесть о ясном Стахоре. Человек в тумане. Мадам Любовь / М. Садкович. – Минск, 1972. – С. 106.

Поступило 10.09.2009